

БУКВАЛЬНЫЙ СМЫСЛ БИБЛЕЙСКИХ ИСТОРИЙ

П. А. БУТАКОВ

Институт философии и права СО РАН
pavelbutakov@academ.org

PAVEL BUTAKOV

Institute of Philosophy and Law SB RAS
THE LITERAL SENSE OF BIBLICAL STORIES

ABSTRACT. Thomas Aquinas, in his comments and sermons on the Gospel parables, ignores the meaning of these parables as a whole narrative and considers only the meanings of the comprising words and phrases. This approach agrees with Aquinas's teaching about the literal sense of the biblical text. According to his teaching, the literal sense (1) is the objective meaning, i.e., the subject matter of the text; (2) is a proposition; (3) can be understood by most readers; (4) corresponds with the author's intent; and (5) follows from the senses of the comprising fragments of the text. Moreover, (6) a story is a form of text; therefore, it cannot contain its own meaning or subject matter. While I agree with (1)–(4), I disagree with (5) and (6). Against (5) and (6), I argue that many biblical stories have their own propositional content that is not reducible to the senses of their comprising fragments. This claim, I believe, can be confirmed by the text of the Gospels, the ecclesiastical tradition, and common sense.

KEYWORDS: Thomas Aquinas, narrative, literal sense, matter and form, Gospel parables, biblical interpretation.

Введение

Значительная часть содержания Библии состоит из ярких драматических историй с запоминающимися героями, их переживаниями и этическими дилеммами. Эти истории стали неотъемлемой частью нашей культуры: на них росли многие поколения, впитывали их сюжеты, воспитывались на их уроках. Кульминационные моменты этих историй отражены в шедеврах мирового искусства. Однако если мы обратимся к многочисленным толкованиям Библии античных и средневековых христианских теологов, то в них мы практически не увидим обсуждения сюжетов. Внимание этих комментаторов, в

основном, сосредоточено на толковании отдельных слов и выражений, а драматическое содержание библейских историй остается за пределами их интересов.

Я полагаю, что такая ситуация связана с особой теоретической повесткой профессиональных теологов, нацеленной на прояснение не столько целостного, сколько детального и точного содержания текста Писания. В данной статье я рассматриваю один из аспектов этой повестки на примере учения Фомы Аквинского о буквальном смысле Священного Писания. Выбор Фомы в качестве примера связан с тем, что он является одним из самых ярких, влиятельных, доходчивых и последовательных теоретиков христианского толкования Библии.

Я также полагаю, что повышенное внимание христианских комментаторов к отдельным словам и выражениям Библии, несмотря на все его достоинства, все же оказывается ущербным подходом, коль скоро он игнорирует такую важную смысловую составляющую как уроки библейских историй.

Содержание статьи таково. В первой части я кратко излагаю причины борьбы средневековых христианских теологов за буквальный метод толкования Библии. Далее я разбираю учение Фомы Аквинского о буквальном смысле Писания. В заключительной части я полемизирую с Фомой о том, что его представления о буквальном смысле недостаточно полны и точны, поскольку они не учитывают такой важный смысловой аспект Библии как буквальный смысл историй.

Предыстория: Борьба богословов за буквальный смысл

Даже при поверхностном сравнении древних толкований Библии с относительно современными нельзя не заметить их резкое отличие: в то время как современные комментаторы скорее видят в тексте некую земную, человеческую реальность, древние авторы тяготеют к мистическим, духовным интерпретациям. И действительно, на протяжении столетий христианские богословы планомерно смещали общие принципы толкования Библии от возвышенных аллегорических интерпретаций к буквальному и приземленному значению текста. Рассмотрим этот процесс с Поздней античности до Высокого средневековья чуть подробнее.

В эпоху ранней церкви наибольшей популярностью пользовался аллегорический метод толкования библейских текстов. Особенно часто этот метод использовался гностиками, а среди христиан – представителями Александрийской школы. Истоки аллегорического метода восходят к иудейским толкователям, в частности, к Филону Александрийскому. В основании этого метода лежит мысль о том, что подлинным содержанием Писания является

некий духовный смысл, который скрыт в виде символов, загадок и иносказаний (Crouzel, 1996, 153). Чтобы отыскать этот духовный смысл, читатель должен пробиваться через буквальное содержание текста в глубину зашифрованной в нем тайны. Считалось, что сам Божественный автор устроил Священное Писание таким образом, чтобы оно внешне казалось изложением каких-то исторических земных событий, а на деле скрывало совсем иное, духовное послание (см. Ориген, *De Princ.* 4.1.23). Подобно тому, как в человеческом теле сокрыты душа и дух, так и в буквальном теле Писания сокрыты душевный и духовный смыслы. Душевный смысл постигается посредством моральных рассуждений, а высший, духовный смысл – с помощью метода аллегории (Martin 1989, 89).

Параллельно с распространением аллегорического метода толкования Библии растет и критика этого метода, начавшаяся еще в Поздней античности и не ослабевавшая ни в Средние века, ни в Новое время. Главное опасение критиков сводится к тому, что изобретательный аллегоризатор может найти практически любой смысл в любом пассаже. Уже Тертуллиан в начале III в. отмечает, что комментаторам не следует выворачивать текст наизнанку, призывает существенно ограничить область применения аллегории и предлагает более строгие правила толкования (*De Pudic.* 9). К началу V в. под влиянием Иоанна Кассиана (Gowler 2017, 65) формируется принцип четырехчастного толкования, который уже в Новое время получил расхожее название «квадрига», т.е. упряжка из четырех лошадей. Эта квадрига строго регламентирует фантазии комментаторов, предписывая ограничиваться лишь четырьмя строго определенными смыслами. Первый смысл – буквальный (исторический) – указывает на конкретные исторические события; второй – аллегорический (типологический) – на Христа и его спасительные дела; третий – моральный (тропологический) – на принципы христианской жизни; четвертый – эсхатологический (анагогический) – на грядущее пришествие Христа и вечную жизнь¹. Этот подход часто излагался в виде популярного четверостишия: «Буква учит событиям, аллегория – во что верить, мораль – как поступать, аналогия – к чему стремиться»². Согласно классическому примеру, если в тексте говорится про Иерусалим, то в буквальном

¹ В раннем средневековье некоторые комментаторы хотя и следовали принципам регламентированного количества смыслов Писания, при этом ограничивались не четырьмя, а шестью, семью (De Lubac, 1998, 84) и даже девятью смыслами (Boyle, 2023, ch.1).

² «Littera gesta docet, quid credas allegoria, moralis quid agas, quo tendas anagogia». Это стихотворение было написано ок. 1260 г. Августином Дакийским (De Lubac, 1998, 1)

смысле это означает конкретный город, в аллегорическом – церковь, в моральном – душу человека, а в эсхатологическом – небеса. Ограничительное значение этого четырехчастного подхода заключается в том, что область применения аллегории сводится лишь к личности Христа и спасению людей и не может применяться к вопросам, скажем, об устройстве вселенной, невидимого мира или природы человека. Также и моральный смысл сводится не к поиску какой-то обширной эзотерической мудрости, а к вполне конкретным принципам христианской этики.

Метод четырехчастного толкования Библии получил дальнейшее развитие в работах Фомы Аквинского. Центральная идея Фомы заключается в том, что главным среди четырех смыслов Писания является буквальный, а остальные три – аллегорический, моральный и эсхатологический – должны быть у него в подчинении³. Раньше все четыре смысла считались равноправными и даже могли соперничать друг с другом. Подобно четырем лошадям, они как бы вместе тянули повозку толкования, причем иногда в разные стороны. Если в тексте буквально написано что-то, что вызывало внутренний протест у толкователя, например, когда Бог поручает израильтянам геноцид ханаанских народов (Втор. 20:16-17) или псалмопевец восхваляет убийство вавилонских младенцев (Пс. 136:9), то толкователь мог взамен предложить более привлекательный аллегорический смысл этих пассажей. Зачастую толкователи вообще игнорировали буквальный смысл, по-видимому, считая его либо банальным или неактуальным, либо вообще плотским и недостойным (Whitman, 2016, 135), и сразу же переходили к вольным духовным интерпретациям. Фома перестраивает квадригу, делая одну лошадь – буквальный смысл – ведущей, и заставляя трех остальных строго следовать за ней. При таком построении единственным источником вероучения становится буквальный смысл, а остальные смыслы оказываются иллюстрацией к нему, ни в коем случае не противореча, но лишь раскрывая его более глубокое значение.

И здесь возникает закономерный вопрос, а что такое буквальный смысл? Этот вопрос вплотную подводит нас к основной проблеме для данного исследования, связанной с буквальным смыслом нарративов. В чем, по мнению Фомы, заключается смысл библейских рассказов, поучительных историй и притч?

³ Фома не является первооткрывателем этой идеи. Призывы отдавать предпочтение буквальному смыслу текста встречаются задолго до него, начиная, как минимум, с Тертуллиана. Непосредственными предшественниками Фомы в данном вопросе были представители Сен-Викторской школы (см. Minnis, 2016, 162-163).

Буквальный смысл согласно Фоме Аквинскому

Если посмотреть на то, как Фома толкует библейские истории, например, евангельские притчи, то сразу же бросается в глаза то, что он как будто игнорирует историю как целостное повествование, а рассматривает ее лишь как множество разрозненных фрагментов. Такой подход к историям для Фомы закономерен и вытекает из его понимания того, что такое смысл текста. В данном разделе мы подробно рассмотрим его точку зрения.

Буквальный и духовный смысл

Фома подразделяет все смыслы Библии на два типа. Первый тип – это буквальный смысл (*sensus litteralis*) или исторический, а второй – духовный (*sensus spiritualis*), он же мистический или богословский (*Quodlibet* VII.6.1.resp.). Первый тип совпадает с буквальным смыслом древней квадриги, а духовный смысл включает в себя три остальные ее части – аллегорический, моральный и эсхатологический смыслы. При этом первый является ведущим смыслом, а второй – ведомым.

Идея Фомы такова. Слова обозначают какие-то объекты в реальности, например, «агнец» обозначает детеныша овцы. Вдобавок, благодаря особому Божественному замыслу какие-то реальные объекты являются образами других объектов, например, приготовляемый на иудейскую Пасху агнец является образом Христа. В первом случае мы имеем дело с буквальным смыслом, а во втором – с духовным. В терминологии Фомы буквальный смысл – это когда слова (*verba, voces*) обозначают вещи (*res*), «*voces significant res*»⁴. Духовный смысл – это когда вещи, обозначенные словами, в свою очередь, обозначают другие вещи, «*res significatae per voces, iterum res alias significant*» (*ST* I.1.10.resp.).

Духовный смысл есть только в Библии, поскольку ее автором является Бог, а в обычных человеческих книгах его нет. Но в них, как и в Библии, есть буквальный смысл (*Quodlibet* VII.6.3.resp.). Духовный смысл Библии доступен для понимания только богословски подготовленному читателю, а непосвященный читатель может понять только буквальный смысл ее текста.

В каком смысле, по мнению Фомы, буквальный смысл управляет духовным? Духовный смысл не может быть верифицирован: он опосредованно зависит от мнения толкователя. А буквальный смысл верифицируем: он непосредственно зафиксирован текстом, о нем можно доказательно спорить, и

⁴ Цитаты из «Суммы Теологии» приводятся по изданию: Фома Аквинский 2006.

буквальное толкование может быть объективно правильным или ошибочным (Minnis 2016, 170). Следовательно, основанием для церковной доктрины и богословской аргументации может быть только буквальный смысл (*ST I.1.10.ad1*), а различные духовные толкования должны подчиняться вероучению, основанному на буквальном смысле Библии.

Буквальный смысл как пропозиция

Что представляет собой буквальный смысл текста? Строго говоря, буквальный смысл – это некая пропозиция, мысль, идея (*sententia*). Это ответ на вопрос «что здесь написано?». Конечно же, буквальный смысл есть и у отдельно взятых слов, но толкователя больше интересуют не столько сами слова и обозначенные ими вещи, сколько передаваемые ими идеи. Подобно тому, как мы в поисках буквального смысла пытаемся понять, что означает данное слово, точно так же мы пытаемся понять, что означает данное предложение, данный фрагмент и данная книга. Если провести аналогию с кирпичным зданием, то на вопрос «что это?» мы можем последовательно давать ответы: «это кирпич», «это стена», «это первый этаж», «это жилой дом». На основании этого мы можем выносить некие последовательные суждения (*sententiae*): «этот кирпич – твердый», «эта стена прочная», «этот этаж устойчивый», «этот дом надежный».

Для главной цели данного исследования ключевым является вопрос о том, выражается ли пропозиция, передающая главный смысл некой истории, через пропозиции, передающие смыслы слов и предложений, составляющих эту историю. Проще говоря, сводится ли буквальный смысл истории к смыслам ее частей? По мнению Фомы – да, сводится. Моя же позиция состоит в том, что в некоторых случаях история содержит собственную идею, которая не содержится в ее частях. Более подробно речь об этом пойдет в заключительной части статьи.

Буквальный смысл и обычная литература

Углубляясь в понятие буквального смысла, нам следует отметить, что, по мнению Фомы, текст или слово может одновременно иметь несколько буквальных смыслов (*ST I.1.10.resp.*). Как же одно и то же высказывание может содержать несколько пропозиций?

Помимо своего Божественного происхождения, библейский текст обладает всеми особенностями обычной человеческой литературы, включая многозначность обыденного языка. Фома подчеркивает, что слова имеют несколько значений. Например, слово «слово» обозначает, во-первых,

произнесенное голосом, во-вторых, смысловое значение произнесенного, и в-третьих, движение ума (*ST I.34.1.resp.*). Вдобавок, смысл может быть прямым, а может переносным: образным (*figurativus*) или иносказательным (*parabolicus*). Так, словом «агнец» может обозначаться либо животное, либо кроткий беззащитный человек⁵. Все эти смыслы подпадают под категорию буквального. Вообще, буквальный смысл включает в себя все известные литературные средства: иносказания, уподобления, аналогии, метафоры⁶, иронию, и т. д.

Помимо обычных литературных приемов буквальный смысл также включает в себя и те выводы, которые мы делаем на основании текста. В частности, когда мы находим в прочитанном фрагменте пример для подражания, то такой поучительный смысл тоже является буквальным. По мнению Фомы, когда в Евангелии говорится, что Христос воздал благодарение перед насыщением пяти тысяч, то это написано в качестве примера для нас благодарить Бога перед началом трапезы. И это вовсе не особый богословский морально-духовный смысл, а обычный, буквальный (*Ioan. 6:11, lec.1, 861*).

Складывается впечатление, что буквальный смысл – слишком широкое и нечеткое понятие. С одной стороны, Фома, подчинив духовные смыслы буквальному, ограничивает фантазию толкователя до строгого соответствия написанному тексту, но с другой стороны, он значительно расширяет сферу возможных буквальных значений, вновь давая толкователю возможность отыскать в тексте неограниченное количество самых разных идей (см. Whittam 2016). Однако нам не следует забывать, что буквальный смысл как Библии, так и светской литературы, соответствует нормам обычного языка, и даже если область значений слов и выражений неоднозначна, она далеко не безгранична. Люди более-менее одинаково понимают смысл текста, а в случае разночтений возможны аргументированные дискуссии, и какие-то толкования могут быть обоснованно отвергнуты.

Вновь забегаая вперед, обратим внимание на то обстоятельство, что большинство людей склонны видеть особый смысл в притчах, баснях и поучительных историях. Поскольку этот смысл общедоступен и понятен для большинства читателей, то, следуя логике Фомы, этот смысл также является буквальным. Однако Фома в своих библейских комментариях и проповедях

⁵ Вдобавок в Библии слово «агнец» также может, согласно терминологии Фомы, аллегорически обозначать Христа, но это значение является духовным, то есть выходит за рамки интересующего нас буквального смысла.

⁶ Фома посвящает целый раздел «Суммы теологии» разъяснению того, что язык Священного Писания может быть метафоричен (*ST I.1.9*)

последовательно игнорирует смысл таких историй, ограничиваясь лишь рассмотрением отдельных слов и предложений, тем самым, как кажется, упуская важный для богословия буквальный смысл текста Писания.

Буквальный смысл и замысел автора

Еще один важный аспект буквального смысла, который должен сдерживать фантазию толкователя, это намерение автора (*intentio auctoris*). В предыдущем разделе мы рассматривали случаи, когда одна фраза имеет несколько смыслов. Здесь же речь пойдет о том, что иногда из всех возможных смыслов фразы настоящим является только один. Согласно Фома, Божественный автор создал текст с определенной целью и вложил в него конкретные идеи. Именно эти идеи и являются буквальным смыслом текста (*ST I.1.10.resp*). Поэтому даже если текст с литературной точки зрения допускает широкий спектр толкований, его подлинным буквальным смыслом являются только те из них, которые изначально задуманы автором.

Представим себе, что во время разговора мой собеседник говорит: «Мне нужно идти». Очевидно, что его намерение при произнесении данной фразы состоит не в том, чтобы проинформировать меня о своих планах, а в том, чтобы прекратить этот разговор. Даже если сама по себе фраза допускает множество толкований, ее единственный буквальный смысл заключается лишь в том, что разговор окончен. Похожий пример приводит и сам Фома: когда в Библии говорится о «руке Бога», то единственным буквальным смыслом этого выражения является «действующая сила Бога», а «часть тела Бога» в данном случае не является еще одним буквальным смыслом (*ST I.1.10.ad3*). Обычно у метафор прямое значение слов не является частью авторского намерения, поэтому у них есть только один буквальный смысл – метафорический (*ST I-II.102.2.ad1*).

То же самое Фома говорит и про смысл притч. Подобно метафоре слова притчи имеют лишь переносный смысл, а не прямой. Поэтому, например, когда Иисус говорит ученикам притчу о пастыре и овцах (Ин. 10:1-5), то он под пастырем имеет в виду себя, а под овцами учеников. Сам жанр притчи подразумевает, что автор просто использует одни слова вместо других (*Ioan. X, lec.2, 1379*). Поэтому у притчи нет нескольких буквальных смыслов, а есть лишь один, иносказательный (*parabolicus*).

Важный вопрос, который мы рассмотрим в заключительной части статьи, касается морали притчи или любой поучительной истории. Эта мораль далеко не всегда выражается механической заменой слов на иносказательные образы, а зачастую и вовсе не проговаривается в явном виде. Несмотря на

это, мораль притчи соответствует намерению автора и, следовательно, является буквальным смыслом текста. Однако предложенная Фомой теория индизонсказательной замены слов не способна разглядеть буквальный смысл притчи, выраженный в ее морали.

Буквальный смысл как материя текста

Последнее необходимое нам уточнение понятия буквального смысла у Фомы связано с его представлениями о материи и форме текста. Следуя Аристотелю, Фома утверждает, что текст, как и всякая вещь, имеет четыре причины: материальную (*materia*), формальную (*modus, forma*), целевую (*finis*) и действующую (*agens*) (*Psalm. Prooem.*). Нас интересуют только первые две.

Материя – это то, что говорит текст, его смысловое содержание. Это некая вещь (*res*) или идея (*sententia*), о которой пишет автор. Собственно, это и есть буквальный смысл текста. Представление о смысле текста как о материи помогает нам понять, почему Фома в своих комментариях предпочитает разбирать текст на составные части, а не рассматривать его в целом. Ведь подобно тому, как материя целого здания состоит из многих материальных кирпичей, материя книги состоит из материи ее фрагментов, и смысл книги раскладывается на смыслы ее частей. В своих библейских комментариях Фома не уделяет внимания смыслу книги, главы или истории целиком, а последовательно разбирает фрагмент за фрагментом, фразу за фразой, иногда даже слово за словом, на каждом шаге тщательно перечисляя все обнаруженные им смыслы. Такой подход может показаться «занудным и утомительным расчленением слов» (Boyle, 2023, ch.5), однако он вполне согласуется с представлениями Фомы о смысле как о материи, так что здесь его нельзя упрекнуть в непоследовательности.

Материю текста следует отличать от формы. Если материей текста является ответ на вопрос «что написано?», то форма – это ответ на вопрос «как написано?». Если материя здания – это материя составляющих его кирпичей, то форма здания – это то, как именно эти кирпичи уложены относительно друг друга. Синонимами формы текста являются жанр, стиль или литературный прием (Boyle, 2023, ch.6). К различным формам текста Фома относит повествование (*narrativus*), поучение, увещевание, повеление, спор, прошение и восхваление (*Psalm. Prooem.*).

Согласно Фоме, сама по себе форма текста не содержит какого-то собственного уникального смысла. Смысл содержится в материи, точнее, в оформленной материи – в материи с формой, но никак не в чистой форме. Форма лишь может помочь читателю увидеть смысл в той материи, которую

она упорядочивает. Например, в евангельской притче о рабочих в винограднике (Мф. 20:1-16) описаны разные группы людей, нанятых на работу в разное время дня. Повествовательная форма притчи располагает эти группы работников в хронологической последовательности – от первого часа до одиннадцатого, тем самым придавая содержанию определенный порядок. Этот порядок позволяет Фоме отождествить каждую из этих групп с людьми какой-то конкретной исторической эпохи от Адама до Христа (*Matt. XX, lec.1*). Установить этот иносказательный смысл притчи без помощи повествовательной формы было бы невозможно. При этом сама форма данной притчи не несет никакого содержания, но лишь позволяет его найти. Однако нередко в своих толкованиях библейских историй Фома вообще игнорирует форму повествования и излагает смысл каждого фрагмента истории независимо от его положения и нарративной функции. Например, в притче о талантах последовательно описаны действия трех слуг (Мф. 25:14-30). Фома внимательно разбирает мельчайшие детали каждого из трех описаний, но при этом никак не учитывает их порядок (*Matt. XXV, lec.2*). Другими словами, если в тексте притчи поменять этих слуг местами, и в начале рассказать про поступок и участь последнего, а в конце – про первого, то, согласно комментариям Фомы, смысл притчи от этого ничуть не изменится. В данном случае Фома извлекает смыслы лишь из материи текста и не нуждается в его общей повествовательной форме.

Итак, по мнению Фомы, история – это форма текста, литературный жанр, упорядочивающий материю фрагментов в определенной повествовательной последовательности. Ни сюжет истории, ни ее нарративная структура – завязка, кульминация, финал – не имеют никакого смысла, а выполняют чисто оформительскую функцию. Весь смысл сосредоточен лишь в отдельных словах и предложениях. Вопреки Фоме, я полагаю, что иногда история не только служит формой текста, но также содержит некую собственную материю, отличающуюся от материи ее фрагментов, о чем и пойдет речь в следующем разделе.

Подытожим вышеизложенное учение Фомы о буквальном смысле. Буквальный смысл текста – это его объективное содержание. Он выражается понятием или пропозицией. Смысл более крупных фрагментов складывается из смыслов их частей. Буквальный смысл есть и у Библии, и у обычной литературы, и он доступен для понимания большинству читателей без какой-либо специальной подготовки. Буквальный смысл совпадает с теми идеями, которые намеревался передать с помощью текста его автор. Носителями буквального смысла являются слова и предложения, а литературная форма текста не является его носителем.

Я согласен со всеми перечисленными утверждениями кроме двух: что смысл текста сводится к смыслам его частей и что литературная форма не несет буквального смысла. Я убежден, что бывают такие литературные формы, в частности, библейские истории, смысл которых не сводится к смыслам их частей и целостный сюжет которых содержит собственный уникальный буквальный смысл.

Respondeo

Когда мы сталкиваемся с захватывающей историей – полноценным нарративом с драматическим сюжетом, с эмоционально или морально окрашенными поступками персонажей – мы неизбежно сопереживаем герою и его решениям. В результате такой естественной реакции мы усваиваем некий урок этой истории: это может быть нравоучительная мораль, объяснение мотивов поступка героя или просто оценочное суждение об описанных событиях. История порождает в нашем сознании некую пропозицию, которая воспринимается как смысл всей истории, например, «быть милосердным похвально» или «жадность приводит к печальным последствиям», причем эта пропозиция обычно не содержится в истории в явном виде.

Если рассмотреть извлекаемый из истории урок в контексте предложенных Фомой критериев буквального смысла, то станет ясно, что этот урок вполне может быть охарактеризован как буквальный смысл истории. Во-первых, этот урок выражается в виде пропозиции. Во-вторых, этот урок понятен большинству людей без какой-то специальной подготовки. В-третьих, этот урок, как правило, совпадает с той идеей, которую хотел сообщить нам автор. Наконец, в-четвертых, если выражаться в терминах материи и формы, то этот урок является главным ответом на вопрос «о чем эта история?», то есть является материей текста. Однако этот урок чаще всего не проговаривается в истории в явном виде, то есть не является смыслом ни одного из фрагментов истории, и он никак не выводится из смыслов ее фрагментов, а вытекает из всей истории целиком. Получается, что история, будучи, с одной стороны, литературной формой, с другой стороны, является носителем буквального смысла, причем главного буквального смысла всей истории, а буквальные смыслы ее отдельных фрагментов оказываются в лучшем случае второстепенными.

На мой взгляд, одним из наиболее наглядных примеров историй, буквальный смысл которых извлекается лишь из всей полноты текста, а не отдельных фрагментов, являются евангельские притчи Иисуса⁷. Речь идет не обо

⁷ Подробнее об имплицитном смысле евангельских притч см. Бутаков 2025.

всех его притчах, большинство из которых являются просто расширенными метафорами и вполне подпадают под вышеупомянутое понимание Фомой жанра притчи как простой подмены слов их иносказательными аналогами. Речь идет о тех притчах, которые обладают признаками полноценной истории с рельефными персонажами, развитием сюжета и драматическими элементами. К таким притчам относятся, например, история о блудном сыне (Лк. 15:11-32), о милосердном самарянине (Лк. 10:30-37), о немилосердном заимодавце (Мф. 18:23-35), о талантах (Мф. 25:14-30), о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31). У всех этих историй есть вполне однозначная мораль, которая может быть выражена в виде пропозиции или императива. Причем эта мораль явным образом не проговаривается в самой притче и не связана напрямую ни с одним из ее фрагментов, является общим выводом из всей истории, который уверенно распознается ее слушателями. Подтверждением такого понимания евангельской истории является, например, тот ее смысл, который отражен в церковных литургических текстах (Бутаков 2025, 1197-1202), а также в текстах самих Евангелий, где Иисус отдельно проговаривает мораль после самой притчи. Например, смыслом притчи о милосердном самарянине является фраза: «Иди, и ты поступай так же» (Лк. 10:37), смыслом притчи о неверном управителе фраза: «Приобретайте себе друзей богатством несправедливым» (Лк. 16:9), смыслом притчи о мытаре и фарисее фраза: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14).

Таким образом, и текст Евангелий, и церковная литургическая традиция, и наш обыденный опыт указывают на то, что главный буквальный смысл указанных историй содержится во всей истории целиком и не сводится к смыслам ее отдельных фрагментов. Однако Фома в своих комментариях и проповедях на евангельские притчи попросту игнорирует этот главный смысл, а концентрирует свое внимание исключительно на отдельных словах и фразах. Перефразируя известное выражение, за деревьями слов Фома не видит леса истории и тем самым упускает важнейшее содержание библейского текста, заложенное в него самим автором.

Заключение

Фома Аквинский внес важный вклад в развитие христианской традиции толкования библейского текста. В первую очередь его заслугой является тезис о том, что главным для теоретического богословия является буквальный смысл Библии, а все духовные толкования должны строго подчиняться этому буквальному смыслу. Далее, он уточнил само понятие буквального смысла текста. Согласно Фоме, буквальный смысл – это объективное содержание текста, которое выражается пропозициями. Буквальный смысл – это материя

текста, а ее носителями являются слова и предложения. При этом смысл более крупных фрагментов складывается из смыслов их частей. В то время как духовный смысл Библии может быть обнаружен лишь богословски подготовленным читателем, ее буквальный смысл доступен для понимания всем людям, включая непосвященных. Наконец, буквальный смысл совпадает с теми идеями, которые намеревался передать с помощью текста его автор.

Несмотря на множество достоинств подхода Фома к пониманию смысла Писания, в нем есть один существенный недостаток: он не учитывает главного буквального смысла библейских историй. Фома, как и подавляющее большинство патристических и схоластических комментаторов, рассматривает истории как набор или мозаику из разрозненных идей и не видит смысла истории в целом. Однако история как целостное повествование благодаря ее сюжету и нарративной структуре имеет собственный смысл, некую мораль, заложенную ее автором, и не сводится к сумме смыслов ее фрагментов. Именно вся история целиком является носителем буквального смысла. А если, идя по стопам Фомы, разбивать ее на кусочки и разбирать по частям, то мы лишимся важного содержания библейского повествования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бутаков, П.А. (2025) «Имплицитное содержание нарратива Евангельских притч», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 19.2, 1190-1203.
- Фома Аквинский (2006) *Сумма теологии. Часть I (Вопросы 1–64)*. М.: Савин С.А.
- Boyle, J.F. (2023) *Aquinas on Scripture: A Primer*. Steubenville: Emmaus Academic.
- Crouzel, H. (1996) "The School of Alexandria and Its Fortunes", in Di Berardino, A. and Studer B., eds. *History of Theology: The Patristic Period*. Collegeville, MN: Liturgical Press. 145-84.
- Gowler, D.G. (2017) *Parables after Jesus: Their Imaginative Receptions across Two Millennia*. Grand Rapids, MI.
- Lubac, de, H. (1998) *Medieval Exegesis. Vol. 1. The Four Senses of Scripture*, Mark Sebanc, M. trans. Wm. B. Eerdmans Publishing Co.
- Martin, J.H. (1989) "The Four Senses of Scripture: Lessons from the Thirteenth Century", *Pacifica* 2. 87-106.
- Minnis, A.J. (2016) "Figuring the Letter: Making Sense of Sensus Litteralis in Late-Medieval Christian Exegesis", in Cohen, M.Z. and Berlin, A., eds. *Interpreting Scriptures in Judaism, Christianity and Islam: Overlapping Inquiries*. Cambridge, CUP. 159-182.
- Whitman, J. (2016) "The Literal Sense of Christian Scripture: Redefinition and Revolution", in Cohen, M.Z. and Berlin, A., eds. *Interpreting Scriptures in Judaism, Christianity and Islam: Overlapping Inquiries*. Cambridge, CUP. 133-158.

References in Russian:

- Butakov, P.A. (2025) "Implicitnoye sodержaniye narrativa Yevangel'skikh pritch [Implicit Narrative Meaning of the Gospel Parables]", *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 19.2, 1190-1203.
- Foma Akvinskiy [Thomas Aquinas] (2006) *Summa Teologii. Chast' 1 (Voprosy 1-64)* [*Summa Theologiae, Part 1, Questions 1-64*]. Moscow.